

# БИРЖЕВЫЯ ВѢДОМОСТИ

## ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

сдѣлать въ С.-Петербургѣ съ  
перес. въ Россіи, два раза въ недѣлю:

— УТРОМЪ и ВЕЧЕРОМЪ —

на годъ . . . 10 руб. — коп.

> 6 мѣс. . . 5 > — >

> 3 > . . . 2 > 50 >

> 1 > . . . — > 85 >

## ОБЪЯВЛЕНІЯ РУССКІЯ:

За мѣсто, занимаемое строкою  
номера: 10 коп.

впередъ текста 60 к., послѣ текста 20 к.  
за наборомъ и наборомъ наборъ 30 к.

ЗАГРУБНИЧНЫЯ: за строку номера  
впередъ текста . . . 1,80 герл. карт.  
послѣ текста . . . 0,60 . . .

Передача адреса 15 коп.

ТЕЛЕФОНЫ:  
Редакціи—№ 5498.

Редактора-Издателя—№ 1848.  
Главной Конторы и Типографіи—№ 662

## ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ

ЕЖЕДНЕВНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ и ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ВЫХОДИТЪ ДВА РАЗА ВЪ ДЕНЬ,

УТРОМЪ и ВЕЧЕРОМЪ.

## ГЛАВНАЯ КОНТОРА и РЕДАКЦІЯ:

СПБ., Невская улица, соб. домъ, № 25.

Отдѣльные Конторы для городскихъ подписчиковъ: 1) Невскій пр., № 66  
2) Английскій мостъ, при мостѣ, въ домѣ № 5. 3) Пискаревскій пр., 3 мѣс.  
4) 30 к. при Английск. мостѣ, № 5. 5) Таврическая ст., 3 мѣс.  
6) 30 к. при Английск. мостѣ, № 5. 7) Выборгская ст., 3 мѣс.  
8) 30 к. при Английск. мостѣ, № 5. 9) Петербургскій Училищный Манастирь.

Слѣдуетъ, рисунокъ и фотографія, вставляемые въ газету, безъ  
опредѣленнаго срока, вставляются на усмотрѣніе Редакціи. Редакція не  
можетъ нести отвѣтственности за вѣрность и истинность сообщаемыхъ  
фактовъ. Образцы изображеній рукописей для редакціи въ обязательномъ

ОТДѢЛЬНЫЕ НУМЕРА 3 коп.

№ 8904. Суббота, 2-го (15-го) іюля 1905 г.

УТРЕННИЙ ВЫПУСКЪ.

XXV г. изданія „Биржевыхъ Вѣдомостей“.

# А. П. Чеховъ.

## I.

...Шли такіе же скучные, пустые и усталые іюльскіе дни, когда, годъ назадъ, до Петербурга докатилось волной печальное извѣстіе: „умеръ Чеховъ“. Кончалась редакціонная работа, и кто-то вошелъ и прочиталъ глухую, лаконичную телеграмму, что въ Баденвейлерѣ, въ Шварцвальдѣ, скончался писатель. Тихо стало въ редакціи. Тихо до жуткости. Угнетала неожиданность. Передъ этимъ только что сообщалось въ газетахъ, что Чехову лучше. И хотя давно было всѣмъ извѣстно, что недугъ писателя безпощаденъ, что онъ долженъ умереть совсѣмъ скоро, — хотѣлось жить въ надеждой, что еще далека страшная конецъ. И сейчасъ не хотѣлось вѣрить въ несчастье. Не общалъ не репортеръ, а официальное агентство. А такими вещами не шутятъ. И телеграмма, наконецъ, говорила прямо, что гробъ съ тѣломъ слѣдуетъ уже черезъ Берлинъ на Вержболово. И не вѣрить было нельзя.

Какъ всколыхнула эта смерть все то, что было чуткаго въ обществѣ. Это любило красоту, желало идеалы, тосковало по лучшимъ временамъ и лучшимъ человѣкамъ, — все, для чего Чеховъ былъ какимъ-то таинственнымъ воплощеніемъ и красоты, и изящества, и чудесной русской печали! Москва напрасно кичилась передъ Петербургомъ своимъ приѣмомъ, устроеннымъ праху писателя. Съ одной стороны, то веселое врѣлище-гулянье, какое она создала изъ похоронъ большого человѣка, отнюдь не было вѣнцомъ славы, какого заслуживаетъ любимый писатель, и здѣсь не было ничего похожего на то, что бывало въ дни похоронъ Некрасова, Достоевскаго или хотя бы Успенскаго. Съ другой — въ основѣ отношенія Петербурга къ дорогому праху легло простое, вѣчно досадное недоразумѣніе. Можетъ быть, судьба символически хотѣла подчеркнуть имъ ту обычную нескладницу жизни, то цареніе въ ней нелѣпаго фатума, обвѣвающаго холодомъ пламя чувства, какія съ мягкой печалью, съ тоской и дрожью въ голосѣ пѣлъ и оплакивалъ Чеховъ при жизни.

Нѣтъ, печаль утраты Чехова въ чуткихъ сердцахъ была и здѣсь глубока и напряжена. Вы могли видѣть слезы въ глазахъ людей, никогда не знавшихъ Чехова, какъ человѣка. И Петербургъ спѣлъ ему лучшія прощальныя пѣсни. Искреннія, страстныя, нѣжныя, какихъ нельзя было услышать въ шумахъ хлесткихъ московскихъ газетныхъ статей и панегириковъ.

## II.

Тогда, окрестъ дымку свѣжей скорби, можетъ быть, даже не совсѣмъ ясно сознавалось, почему такъ дорогъ и близокъ намъ

Чеховъ. Только чувствовалась мощь утраты и ощущалось, какъ отскочила отъ насъ словно какая-то опора, какъ когда-то сказалъ Толстой, въ день смерти Достоевскаго. Одно было ясно, что это самая тяжелая литературная утрата, которой намъ, людямъ 80-хъ—90-хъ годовъ, уже болѣе не переживать, что на этотъ разъ ушло что то поразительно намъ близкое, дружественное, наше, закатилась звѣздочка, лившая трепетно-ласковый свѣтъ въ печальныя потемки нашей жизни, что были больше его и есть больше, но нѣтъ сейчасъ ближе и нѣтъ роднѣе, и едва-ли будутъ...

Секретъ чеховскаго обаянія, чеховской близости къ намъ, былъ въ удивительной полнотѣ воплощенія имъ въ себѣ настроеній своего момента. Разъ въ полъ-вѣка, въ четверть вѣка, среди милліардовъ лѣтъ, таинственно рождается человѣкъ, которому судьба даетъ счастье отразить въ себѣ и сосредоточить всѣ тяготѣнія вѣка, все бѣненіе его пульса, весь размахъ его порыва или всю бездну его унынія. Такимъ удивительно типическимъ человекомъ былъ Чеховъ для поколѣнія 80-хъ и 90-хъ годовъ, съ его раннимъ утомленіемъ, надрывомъ силъ до начала труда, мукой по далекимъ идеаламъ жизни свѣтлой, изящной и прекрасной, съ вѣчной, наконецъ, тоской свѣрыхъ, неинтересныхъ, унылыхъ будней.

Такъ, раньше Чехова, звенящая душа Надсона преломила въ себѣ и отразила жажду борьбы и исканіе пророка поколѣніемъ семидесятниковъ, душа Глѣба Успенскаго выразила муку сознанія тѣмъ же поколѣніемъ необходимости расплаты за старый долгъ народу, Шеллеръ — порывъ молодежи 60-хъ годовъ къ святому труду, гораздо раньше и гораздо ярче Тургеневъ — гамлетизмъ русскихъ Рудиныхъ и порывъ Базаровыхъ. Чеховскій герой явился разновидностью тургеневскаго „лишняго человѣка“, со всею суммою психологическихъ наслоеній, какія дала ему русская исторія, — политико-общественныя разочарованія шестидесятника, позднѣйшія разочарованія въ „хожденіи въ народъ“, властное цареніе постылаго бюрократическаго строя. Печальное время, давившее порывъ свободной инициативы, личную индивидуальность интеллигента, подсвѣкавшее идеалистическое стремленіе Ивановыхъ и превращавшее живую душу въ „человѣковъ въ футлярѣ“, въ Пришибеевыхъ, въ добровольцевъ сыска или, въ лучшемъ случаѣ, въ людей двадцатаго числа!

## III.

Пѣвцомъ и поэтомъ этого разочарованія живой души, съ разлета хлопнувшей о стѣну человѣческой пошлости, прозы, казенщины, канцелярщины, чиневнаго гнета и безнадежно надломившей свои прекрасныя, но хрупкія крылья, — былъ Чеховъ, и трогательно звенѣла его пѣсня въ сердцахъ „обреченныхъ“, еще не замкнувшихся въ футляры. Именно, въ томъ, что у него не было тонне-

раменты негодующаго сатирика, и его слова звучали не злымъ смѣхомъ и рѣзкостью осужденія, но мягкою и нѣжною грустью и жалостью къ бѣднымъ людямъ печальнаго безвременья, и падали, какъ тихій весенній дождь на сохнушія сердца,—былъ секретъ его особеннаго очарованія.

Посмотрите,—какъ бы говорилъ Чеховъ, показывая на своихъ героев,—какіе они всѣ, въ сущности, славные, талантливые, умные люди, всѣ эти сходящіе на нѣтъ въ провинціальной тинѣ Астровы, Дяди Вани, Вершинины, Тригорины и Трепьевы, докторъ Рагинъ изъ „Палаты № 6“, герой „Моей жизни“ и т. д., и т. д. и какъ, однако, ужасающе-нелѣпо, трагически, мучительно слагается ихъ бѣдная жизнь!... Бѣдная жизнь въ бѣдной странѣ, гдѣ молодость уходитъ на тридцативерстные переѣзды въ тряской телѣгѣ, на безумную, сумасшедшую тоску прозябанія интеллигентной души въ царствѣ мѣщанства, за водкой и картами, безъ обмѣна мыслями, безъ загоранія, безъ полета, въ роковой, вѣками установившейся розни, съ себѣ равными, въ фатальномъ разобщеніи съ мужикомъ, утонувшимъ въ заботѣ о кускѣ чернаго хлѣба. Посмотрите, — говорилъ Чеховъ, — какъ русскіе люди проходятъ мимо своего счастья, мимо любви, не замѣчая, какъ на нихъ восторженно устремляютъ взоры беззавѣтно любящіе ихъ Вѣрочки и Сони, милые, юные, прекрасные, какъ они охотятся на нѣтъ, выдыхаются, спиваются, какъ они одиноки въ атмосферѣ провинціальной обыденщины и какъ здѣсь неизбежно гаснутъ ихъ идеалы. Такъ жить нельзя. И кто въ этомъ виноватъ?

„Такъ жить нельзя“ и „кто виноватъ“ — страшные тезисы огромной художественной диссертациі, которую всю жизнь писалъ Чеховъ,—тезисы, поставленные имъ задолго до того, какъ началась въ русскомъ обществѣ и печати могучая переоцѣнка личныя цѣнности, прежде чѣмъ вопль „такъ жить нельзя“ властно вырвался изъ загражденных и несвободныхъ устъ русскихъ людей.

#### IV.

Въ жизни и литературѣ все становится яснымъ и опредѣленнымъ лишь въ перспективѣ исторіи. Всего одинъ годъ, прошедшій со дня смерти Чехова, уже устанавливаетъ уголъ зрѣнія на его творческое и общественное дѣло, какой едва-ли самый чуткій философъ исторіи предугадалъ бы въ разгаръ дѣятельности писателя. Какіе-то таинственные, но теперь наглядно видимые, проводы тянутся отъ страницъ его книгъ къ переживаемой нашей общественностью страницѣ исторіи. Только теперь можно съ очевидностью видѣть, какъ велика была ошибка нашей критики, долгое время не сумѣвшей разсмотрѣть настоящей идейно-общественной роли пѣвца хмурыхъ людей и обвинявшей его въ

безыдейности, безпринципности, въ „никчемности“ его таланта, въ отсутствіи въ его душѣ живого Бога и гражданственнаго идеала.

„Дайте намъ бодрыхъ людей, покажите намъ какіе-нибудь огни идеала“, — вопіяла критика. Она не видѣла того, что обратнымъ, отрицательнымъ путемъ Чеховъ, именно, дѣлалъ то, чего отъ него такъ настойчиво требовали. Весь ужасъ захвата человека прозою и пошлостью, весь трагизмъ безволія и духовнаго оскудѣнія, пассивнаго подчиненія нескладно слагающейся жизни и навязываемому сверху обезличивающему режиму, — никто не показалъ ярче Чехова. Онъ сжималъ наше сердце тоской, когда мы выходили изъ театра съ его „Дяди Вани“ или „Трехъ сестеръ“ или закрывали его позднія печальныя повѣсти. Еслибы теперь нужно было исторически оглянуться на условія, создавшія современныя нравственный и матеріальный кризисъ Россіи, увидѣть людей, своимъ духовнымъ складомъ подготовившихъ современную пассивность однихъ, волюхию хищности другихъ, плачевную и гибельную бездарность третьихъ, — нужно было бы обратиться къ Чехову. Онъ удивительно подсмотрѣлъ и отразилъ всѣ элементы, подготовившіе девятьсотъ пятый годъ, съ его униженіями и прорѣхами, съ трескомъ старыхъ одеждъ по всѣмъ швамъ.

Какъ истинный художникъ, Чеховъ дѣлалъ это въ наивной непосредственности таланта. Онъ отнюдь не ставилъ предъ собою преднамѣреннаго изображенія типа, какой казался ему моднымъ или выигрышнымъ. Онъ не влагалъ пламенныхъ филиппикъ по адресу сѣрыхъ людей въ уста пылкихъ студентовъ, собравшихся на товарищескую пирушку (за что, между прочимъ, его также обвиняла критика), не рисовалъ титановъ, примѣромъ своей жизни и дѣятельности осуждающихъ слабняковъ.

Онъ ни подъ кого не поддѣлывался, никому не старался угождать и едва-ли мѣтилъ въ художники-историки. Но такъ выходило, что философія всѣхъ его героев сводилась къ одной общей чертѣ, что въ общемъ итогѣ его огромнаго труда появилась цѣлая галлерей аналогичныхъ и исчерпывающихъ время типовъ русскаго интеллигента. И удивительное изображеніе бытія заплѣснѣвшаго русскаго человека давало впечатлѣніе несравнимо болѣе сильное, чѣмъ дали бы разговорныя филиппики или приподнятая риторика идеализированныхъ персонажей. Да, именно оно, это поколѣніе слабняковъ, безвольниковъ, нытиковъ и плакальчиковъ, пассивныхъ рабовъ жизни и ея порядковъ, неспособныхъ ни на протестъ, ни на отпоръ, ни на борьбу, подготовило ту ниву, которую мы сейчасъ пожинаемъ, поливая ее слезами.

Повторяю,—„такъ жить нельзя“ совершенно опредѣленно, настойчиво и убѣжденно сказала Чеховъ задолго до того, какъ эта фраза стала ходячей и легальной. Въ этомъ отношеніи Чеховъ былъ несравнимо либеральнѣе тѣхъ критиковъ, которые рекомендовали ему обычный шаблонъ беллетристически-гражданской работы и изъ которыхъ никто такъ рѣшительно не произнесъ этого тезиса. Можетъ быть, онъ самъ даже не чувствовалъ, какъ цѣльна въ историко-философскомъ смыслѣ огромная часть того, что онъ далъ нашей литературѣ. Можетъ быть, иногда его могло смущать и печалить какъ бы однообразіе его героя. Бывали какъ бы повторенія. Но повторенія эти были нужны, какъ снимки съ другой стороны, какъ пополненіе образа новой фотографіей.

## VI.

Огромную отрицательную работу совершилъ Чеховъ своимъ жизненнымъ трудомъ. Безпощадно, рѣзко и мѣтко онъ ударилъ во всѣ больныя мѣста русскаго человѣка и русскаго дѣйствительности.

Жизнь иногда назойливо рождаетъ символы, и символично то, что Чеховъ былъ врачомъ. Но судьба готовила его не для мелкой практики, а для постановки огромнаго общественнаго діагноза надъ огромнымъ и тяжело занемогшимъ организмомъ Россіи.

Моя бѣдная родина больна,—вынесъ Чеховъ малорадостный приговоръ изъ своего изслѣдованія, — и больна тяжело, можетъ быть, смертельно, если не будутъ примѣнены сильно дѣйствующія средства. Она истощена отъ недостатка духовнаго и физическаго питанія. Она страдаетъ апатіей, меланхоліей, болѣзнями воли. Она поставлена въ тѣ страшныя антигигіеническія для духа и тѣла условія, при которыхъ мрачно и зловѣще выступаютъ всѣ задатки дурной наслѣдственности. Вырожденіе грозитъ Россіи, если больному не будетъ данъ обновляющій притокъ свѣжаго воздуха. Все, что еще сохранило задатки жизненности, жадно порывается къ этому свѣжему притоку. Подъ гнетомъ мертвящаго строя интеллигенція выдыхается и превращается во вседовольное чиновничество. Ей нужно бодрящее вепрыскиваніе морфія, чтобы она оживилась, и загорѣлись ея потухающіе глаза. Голоденъ и отошалъ народъ, и онъ теменъ, сѣръ, не умѣетъ считать, хотя въ немъ подспудно таятся огромныя, жизненосныя силы. Провинція поросла тиной, занесена пескомъ, пылью, снѣгами, выжжена солнцемъ, заросла лѣсомъ.

Все молодое, не заглушенное, жизнепособное рвется оттуда съ страстнымъ воплемъ—„въ Москву, въ Москву, въ Москву!“—въ фантастическую, прекрасную, залитую электричествомъ Москву, съ кипѣніемъ жизни, съ интересными, сильными людьми, съ музеями и галереями, — въ ту идеализиро-

ванную Москву, какая мерещилась больному писателю въ знойные и скучные дни и въ длинныя ночи тоскливаго доживанія отгорающей жизни въ его ялтинскомъ затворѣ,—и какая была далека отъ настоящей, грубоватой, слегка тоже провинціальной и ужъ далеко не такой заманчивой Москвы. Лѣчите больного,—настаивалъ Чеховъ,—мѣняйте провинцію съ ея духовнымъ мѣщанствомъ на аллегорическую Москву, не жалѣйте падающаго подъ топоромъ стараго вишневаго сада, на мѣстѣ котораго долженъ вырасти садъ обновленнаго русскаго бытія!...

## VII.

У Чехова не было ни гоголевскаго сарказма и задора обличенія, ни страстности и гнѣвности сатирическаго темперамента Салтыкова, ни капризно-злой критической придирчивости и разрушительно-скептической цѣпкости Льва Толстого. Но выполненная имъ работа критики русской жизни по напряженію, глубинѣ и широтѣ захвата совершенно аналогична дѣлу Салтыкова, бичевавшаго скорпіонами русскій грѣхъ, дѣлу Гоголя, осудившаго дореформенную Россію съ ея мракомъ и безправіемъ, дѣлу Толстого, вскрывшаго фальшь, лицемеріе и условность современнаго жизненнаго уклада. Чеховъ дѣлалъ свою работу тихо и безгнѣвно, но итоги его дѣятельности въ этомъ идейномъ смыслѣ огромны. И это фактически подчеркнуто такимъ обстоятельствомъ, какъ бессильная вражда противъ Чехова реакціоннаго литературнаго лагеря,—вражда, безобразно проявившаяся даже надъ незарытою писательской могилой, когда изъ крайнихъ притоновъ мракобѣсія послышались шипящіе голоса противъ воздаянія Чехову посмертной почести.

Этимъ голосамъ хотѣлось умалить его значеніе, хотѣлось оттѣнить какую-то революціонную, разрушительную роль пѣвца нашихъ сумерекъ. О, они были далеко не близоруки, представители этого лагеря, они ясно—и вѣрно—видѣли въ Чеховѣ, этомъ совершенно чуждомъ тенденціи писателѣ, своего дѣйствительнаго и несомнѣннаго врага,—врага застоя и ретроградной мути, яраго протестанта противъ ихъ излюбленнаго тезиса, что все у насъ обстоитъ благополучно и можно быть всѣмъ довольнымъ, какъ всѣмъ доволенъ педагогъ изъ „Трехъ сестеръ“. Чеховъ не преподносилъ своихъ тезисовъ съ прямолинейностью формулировокъ публициста. Онъ чуть-чуть не догваривалъ. Но, у кого была голова на плечахъ, тотъ не могъ не понять или перетолковать истинную поправку его міровоззрѣнія. И это поправка и въ этомъ расписалась темная реакціонная сила.

И когда съ высокими безпристрастіемъ и честностью Чеховъ окончилъ свое дѣло критики русской жизни,—онъ умеръ, и его могила—точка, поставленная судьбою надъ цѣлою полосой русской общественности. Отри-

ванную Москву, какая мерещилась больному писателю въ знойные и скучные дни и въ длинные ночи тоскливаго доживанія отгорающей жизни въ его ялтинскомъ затворѣ, — и какая была далека отъ настоящей, грубоватой, слегка тоже провинціальной и ужъ далеко не такой заманчивой Москвы. Лѣчите больного, — настанвалъ Чеховъ, — мѣняйте провинцію съ ея духовнымъ мѣщанствомъ на аллегорическую Москву, не жалѣйте падающаго подъ топоромъ стараго вишневаго сада, на мѣстѣ котораго долженъ вырасти садъ обновленнаго русскаго бытія!...

## VII.

У Чехова не было ни гоголевскаго сарказма и задора обличенія, ни страстности и гнѣвности сатирическаго темперамента Салтыкова, ни капризно-злой критической придирчивости и разрушительно-скептической цѣлкости Льва Толстого. Но выполненная имъ работа критики русской жизни по напряженію, глубинѣ и широтѣ захвата совершенно аналогична дѣлу Салтыкова, бичевавшаго скорпіонами русскій грѣхъ, дѣлу Гоголя, осудившаго дореформенную Россію съ ея мракомъ и безправіемъ, дѣлу Толстого, вскрывшаго фальшь, лицемеріе и условность современнаго жизненнаго уклада. Чеховъ дѣлалъ свою работу тихо и безгнѣвно, но итоги его дѣятельности въ этомъ идейномъ смыслѣ огромны. И это фактически подчеркнуто такимъ обстоятельствомъ, какъ безсильная вражда противъ Чехова реакціоннаго литературнаго лагеря, — вражда, безобразно проявившаяся даже надъ незарытою писательской могилой, когда изъ крайнихъ притоновъ мракобѣсія послышались шипящіе голоса противъ воздаянія Чехову посмертной почести.

Этимъ голосамъ хотѣлось умалить его значеніе, хотѣлось отбѣнить какую-то революціонную, разрушительную роль пѣвца нашихъ сумерекъ. О, они были далеко не близоруки, представители этого лагеря, они ясно — и вѣрно — видѣли въ Чеховѣ, этомъ совершенно чуждомъ тенденціи писателѣ, своего дѣйствительнаго и несомнѣннаго врага, — врага застоя и ретроградной мути, яраго протестанта противъ ихъ излюбленнаго тезиса, что все у насъ обстоитъ благополучно и можно быть всѣмъ довольнымъ, какъ всѣмъ доволенъ педагогъ изъ „Трехъ сестеръ“. Чеховъ не преподносилъ своихъ тезисовъ съ прямолинейностью формулировокъ публициста. Онъ чуть-чуть не договаривалъ. Но, у кого была голова на плечахъ, тотъ не могъ не понять или перетолковать основной наклонъ его міровоззрѣнія. И это поняла и въ этомъ расписалась темная реакціонная сила.

И когда съ высокимъ безпристрастіемъ и честностью Чеховъ окончилъ свое дѣло критики русской жизни, — онъ умеръ, и его могила — точка, поставленная судьбою надъ цѣлою полосой русской общественности. Отри-

цательная работа, — діагнозъ болѣзни, была доведена до конца. Чеховъ оставилъ свое знамя для другого, положительнаго работника русской литературѣ и жизни.

## VIII.

Годъ, бурно прокатившійся со дня смерти Чехова, рельефно отбѣняетъ символическій смыслъ чеховской могилы. Умеръ писатель, ибо долженъ умереть печальный герой его времени. Идутъ другіе люди, другая жизнь. Неузнаваема русская дѣйствительность за этотъ послѣдній годъ. Неузнаваемо печатное слово. Царство безвольныхъ, апатичныхъ и ничемныхъ Ивановыхъ кончилось. Пробуждаются дремлющія силы. Литература, если она чутка и впечатлительна, должна ухватывать черты этого новаго героя нашего времени, бодрого, вѣрящаго, пришедшаго на смѣну хмурому и сонному чеховскому герою, съ погасшими интересами, съ водкой, преферансомъ и тоской бездѣлья. Чеховъ, можетъ быть, предчувствовалъ близость обновленія русской жизни. Все ярче и ярче разгоралась его мечта о какомъ-то прекрасномъ, свѣтломъ и изящномъ будущемъ въ его послѣднихъ произведеніяхъ... Но Моисей только издалъ видѣль землю обѣтованія, и ему не суждено было войти въ нее своею стопою.

Печальная пѣсня о хмуромъ человѣкѣ — центральное у Чехова. На ней есть смыслъ особенно останавливаться въ наши дни. Но ею далеко неисчерпывается грандіозная роль автора „Степи“. Это только ближайше примѣненная, исторически-прикладная сторона таланта этого пѣвца красивой русской тоски, безотчетной нашей печали, являющейся какъ бы шестымъ чувствомъ русской души и составляющей ея великую прелесть. Въ такой цѣлности, полнотѣ, красотѣ и силѣ никто изъ русскихъ писателей не отдалъ себя этому настроенію, — ни Гоголь, ни Тургеневъ, ни Кольцовъ, и въ этомъ — права Чехова на крупное народническое значеніе, позволяющее его имени стать по достоинству слѣдомъ за великими именами нашей литературы.

Поэтическимъ воспріятіемъ этой чудесной печали Чеховъ помогъ намъ и поможетъ будущимъ поколѣніямъ перенести ее въ нашей невеселой жизни, гдѣ она часто совсѣмъ не такъ поэтична и красива, и скромный огонекъ неугасимой лампы, что льетъ днемъ и ночью мягкій свѣтъ вокругъ его могилы, подъ цвѣтущей липой, на тихомъ кладбищѣ монастыря, гдѣ томилаь царевна Софія, — есть образъ того тихаго, трогательнаго, мерцающаго сіянія, какое лила и льетъ въ тоскливые сумерки нашей прозаической жизни эта прекрасная звѣзда русскаго литературнаго неба, закатившаяся такъ грустно и безжалостно рано...

А. Измайловъ.